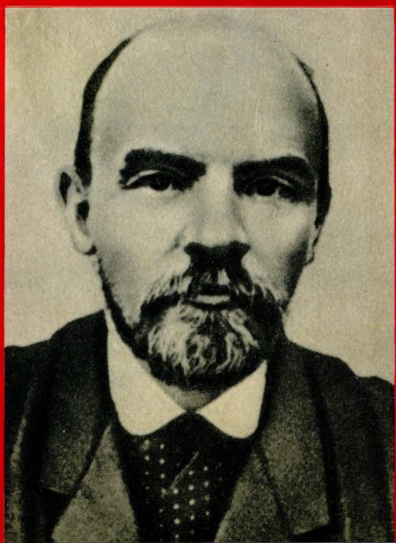

С.Багоцкий
О встречах
с ЛЕНИНЫМ
в Польше
и Швейцарии

С.Багоцкий

**О встречах
с ЛЕНИНЫМ
в Польше
и Швейцарии**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва · 1971

Багоцкий Сергей Юстинович

Б14 О встречах с Лениным в Польше и Швейцарии. М., Политиздат, 1971.

72 с.

Настоящее, второе издание воспоминаний С. Багоцкого «О встречах с Лениным в Польше и Швейцарии» соответствует первому, вышедшему в 1958 году. Текст воспоминаний заново сверен по пятитомному изданию «Воспоминаний о В. И. Ленине», подготовленному Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

1—1—3
235—70

ЗК26.3

Редактор *Д. В. Калько*

Художественный редактор *Г. Ф. Семиреченко*

Технический редактор *Е. И. Каржавина*

Ответственный корректор *Е. Я. Абелева*

Сдано в набор 20 августа 1970 г. Подписано в печать 30 октября 1970 г. Формат 70×90^{1/32}. Бумага типографская № 1. Условн. печ. л. 2,63. Учетно-изд. л. 2,45. Тираж 100 тыс. экз. А08862. Заказ № 3769. Цена 9 коп.

Политиздат, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Отпечатано с матриц Ордена Ленина типографии «Красный пролетарий», Москва, Краснопролетарская, 16, в типографии «Звезда», г. Пермь, ул. Дружбы, 34.
Зак. 10352.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

В 1910 году я отбыл четырехлетний срок каторги и был отправлен на поселение в Балаганский уезд. Оттуда вскоре бежал за границу и поселился в Кракове, недалеко от русской границы. Я немного знал польский язык и мог продолжать прерванные каторгой занятия на медицинском факультете Краковского университета.

Русских политэмигрантов в Кракове в момент моего приезда не было, и я чувствовал себя оторванным от русской политической жизни.

В начале июня 1912 года, вернувшись как-то из клиники, нахожу у себя на столе письмо из Парижа от Людмилы Николаевны Сталь, с которой я переписывался по делам помощи политкаторжанам. В это время я был секретарем Краковского союза помощи политзаключенным, а Людмила Николаевна стояла во главе Парижского комитета интеллектуальной помощи политзаключенным. Л. Н. Сталь сообщила мне, что в Краков переедет вскоре товарищ Ульянов с женой, и просила оказать им на первых порах содействие при устройстве в незнакомом городе.

Встреча была назначена на окружающем центральную часть города бульваре Плянты, против главного здания университета.

В день приезда Ульяновых я заблаговременно пришел на условленное место и сел на одну из скамеек против красного здания университета. Был солнечный летний день. Кругом играли дети. Из университета небольшими группами выходили студенты. Я с напряжением приглядывался к проходящим, высматривая Ленина, которого никогда не видел, но почему-то представлял себе высоким широкоплечим мужчиной с черной бородой.

Прошло около получаса после условленного времени. Скамейки около меня заполнились. На одну из ближайших села немолодая пара — мужчина в котелке, с небольшой бородкой и скромно одетая женщина. Но я не обратил на них внимания. Начиная нервничать, я нетерпеливо ходил взад и вперед.

Вдруг женщина встала и нерешительно спросила:

— Простите, вы, очевидно, кого-то ждете? Не вы ли Багоцкий?

— Значит, вы Ульяновы! — воскликнул я. — Мы уже давно ждем друг друга, сидя почти рядом.

Все засмеялись и пожали друг другу руки.

Это было началом моего знакомства с Владимиром Ильичем. Он был совсем непохож на создавшееся у меня представление о нем. Передо мной был мужчина среднего роста, со слегка монгольскими чертами лица, с небольшой рыжеватой бородкой. Живой взгляд прищуренных глаз, веселая улыбка и простота обращения сразу располагали к нему.

Ульяновы оставили вещи на вокзале. Нужно было взять их оттуда и подумать о ночлеге на

первые дни до нахождения квартиры. Мы двинулись по Плянтам по направлению к вокзалу.

По дороге Владимир Ильич задал мне несколько вопросов, касавшихся моей жизни в Кракове. Затем разговор перешел на общеполитические вопросы краковской жизни, в частности на отношение местных властей к политэмигрантам.

Галиция, входившая в состав Австро-Венгрии, не в пример частям Польши, захваченным Германией и царской Россией, пользовалась относительной политической свободой. Присутствие в Кракове значительного числа польских политэмигрантов и лево настроенной интеллигенции наложило особую печать на общий уклад краковской общественной жизни. Частые доклады на общественно-политические темы в многочисленных клубах и организациях, оживленные беседы и дискуссии в популярных кафе Михалика, Бизанса и Дробнера вовлекали местную общественность в сферу политических и революционных интересов. Это оказывало влияние на прессу и администрацию. Краковская общественность, мечтавшая о независимости Польши, ненавидела царизм и с симпатией относилась ко всем борцам против самодержавия. В Кракове открыто существовали издательства революционных партий. Здесь, например, выходили органы Социал-демократической партии Польши и Литвы «Пшеглопд» («Обозрение»), «Червоны штандар» («Красное знамя»), более или менее постоянно жил ряд членов центральных комитетов польских революционных партий.

Разговаривая об этом, мы дошли до Флорианской браны — ворот стены, окружавшей когда-то краковскую крепость, и повернули на Флорианскую улицу. В одном из переулков этой улицы находилась студенческая вегетарианская столовая «Здраве». Ульяновы охотно согласились зайти туда и пообедать. В столовой в это время дня бывало мало народу, и можно было свободно продолжить нашу беседу.

— Как относится местная полиция к политэмигрантам? — спросил Владимир Ильич.

Я ответил, что в этом отношении опасаться нечего. Царившая в Кракове атмосфера враждебности к царскому самодержавию делала местные полицейские органы более «предупредительными» к политэмигрантам, чем в каком-либо другом городе Европы.

В качестве примера я привел случай с Крахельской, покушавшейся на убийство варшавского генерал-губернатора Скалона. После неудачного покушения Крахельская бежала в Галицию и поселилась в окрестностях Кракова. Получив ноту царского правительства о выдаче Крахельской, австро-венгерское правительство склонно было удовлетворить это требование. Но краковская общественность быстро нашла выход: Крахельскую «выдали замуж» за польского студента, австрийского гражданина. Брак был фиктивный, однако Крахельская приобрела австрийское гражданство и по австрийским законам не могла быть выдана. Впрочем, для формального удовлетворения претензий царских властей Крахельская была привлечена к суду, который состоялся во Вздовицах (около Кракова). Судебный процесс закончился оправданием

Крахельской, и присутствовавшая на суде многочисленная публика встретила приговор оварциями.

Владимир Ильич, далее, спросил, не облегчает ли близость границы слежку за живущими в Кракове политэмигрантами со стороны царской охранки.

Конечно, близость границы облегчала слежку за политэмигрантами. В Кракове, несомненно, находились агенты охранки, но они не встречали поддержки и потому были относительно безопасны. Бывали отдельные случаи, когда чиновники краковской полиции даже предупреждали политэмигрантов о слежке за ними.

Впоследствии к Владимиру Ильичу как-то приехал московский рабочий Шумкин, чтобы перевезти нелегальную литературу через границу. Шумкин своей наружностью и ультраконспиративным поведением обратил на себя внимание краковской полиции. Тогда к Владимиру Ильичу пришел полицейский чиновник и спросил, хорошо ли он знает Шумкина и уверен ли в его политической благонадежности. Получив утвердительный ответ, полиция оставила Шумкина в покое. Спустя несколько дней Шумкин благополучно перевез литературу через границу.

Из столовой мы направились к вокзалу. В находившейся поблизости от него гостинице нашлась свободная комната с видом на Плянты, куда мы и перенесли вещи. Условились следующий день отвести на поиски квартиры. Я пришел к Ульяновым рано утром. Надежда Константиновна еще не была готова, и Владимир Ильич предложил пока пройтись по Плянтам.

Он сразу же перешел к особенно интересовавшему его вопросу о возможности нелегальных сношений с Россией, прежде всего об организации нелегального переезда границы товарищами, которые должны будут к нему приезжать.

Подумав, я предложил следующий план. Около Кракова находилась так называемая пограничная зона, распространявшаяся на 30 километров от границы. Согласно договору между австрийским и российским правительствами живущие в этой зоне лица имели право перехода границы по «полупаскам» — проходным свидетельствам без фотографических карточек. «Полупасками» обычно пользовались крестьяне, приезжавшие с продуктами на базар, и рабочие, проживавшие по одну сторону границы и работавшие на другой стороне. Контроль за местным пограничным движением был очень поверхностным. Можно было использовать мои связи с краковскими рабочими, входившими в союз помощи политзаключенным, и через них получать «полупаски».

Владимиру Ильичу этот план очень понравился.

— А как происходит проверка переезжающих таким образом через границу? — спросил он.

Я подробно описал процедуру такого переезда границы, с которой был знаком по рассказам товарищей поляков, переезжавших неоднократно таким образом в Россию и обратно.

«Полупаски» выдавались жителям пограничной полосы, но, так как на них не было фотографий, ими мог воспользоваться всякий. Когда

поезд приходил на границу, в вагон входил жандарм и отбирал у всех документы. После проверки их он возвращался в вагон и вызывал по фамилиям владельцев. Важно было только помнить «свою» фамилию и отозваться «естем» (я здесь). Этим и ограничивались все формальности. Нужно было на всякий случай иметь два железнодорожных билета — один на ближайшую станцию в пограничной зоне, а второй — в один из городов. Следовало также иметь с собой внутренний российский паспорт на случай контроля вне пограничной зоны. Как показал опыт, этот способ переезда границы оказался очень удобным для нелегальных связей. «Полупасками» воспользовались многие приезжавшие к Владимиру Ильичу товарищи. Таким же путем нередко перевозилась нелегальная литература.

В своих «Воспоминаниях о Ленине» Надежда Константиновна впоследствии писала:

«Полупаски» «до чрезвычайности облегчали переезд через границу нашей нелегальной публике. Мы переправляли по полупаскам многих товарищей... По полупаску переправляли мы раз и Сталина»¹.

* * *

*

Ульяновы хотели устроиться вблизи леса и воды, но попроще и подешевле. Этим условиям отвечало предместье Кракова Звежинец, населенное в основном рабочими. Отсюда недалеко находился Вольский лес и совсем близко была Висла. Туда мы и направились. Квартиры там

¹ «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине». В пяти томах, т. 1. М., Политиздат, 1969, стр. 364.

были довольно примитивными, дома очень запущены. В конце концов нашлась подходящая квартира из двух комнат и кухни в сравнительно хорошо сохранившемся доме. На ней Ульяновы и остановились. Нужно было приобрести обстановку. Надежда Константиновна решила это сделать сама, надеясь на свое знание польского языка, который она слышала в детстве.

Прихожу к ним на третий день. Обстановка уже приобретена и расставлена: две узкие железные кровати, два простых стола, этажерка и несколько стульев, а в кухне — маленький стол и табуретки. Книги и газеты были распакованы и лежали на столах и окнах. Владимир Ильич что-то писал. Надежда Константиновна пригласила меня на первый чай у них.

Не желая мешать работе Владимира Ильича, я не решался повторить свой визит к ним. Но спустя несколько дней Владимир Ильич сам приехал ко мне на велосипеде и предложил совершить прогулку в лес, а заодно по дороге выкупаться.

НА ВЕРШИНЕ БАБЬЕЙ ГОРЫ

В начале августа я поехал в деревню Маков, расположенную приблизительно в 40 километрах от Кракова, чтобы провести там вторую половину университетских каникул. Перед отъездом я рассказал Владимиру Ильичу, что Маков находится у подножия Бабьей горы, откуда открывается широкий вид на всю горную цепь Татр. Прощаясь со мной, Владимир Ильич сказал:

— Я приеду к вам, и мы вместе поднимемся на вершину Бабьей горы.

Недели две спустя вижу Владимира Ильича, подходящего к моей квартире. Он приехал в Маков на велосипеде и вошел весь запыленный и усталый, браня скверные галицийские дороги.

На Бабью гору нужно было идти под вечер, чтобы на половине подъема заночевать в туристской хижине, по-местному «схрониско» (убежище). После чая мы расположились на холмике недалеко от моего дома, чтобы Владимир Ильич мог отдохнуть с дороги. Около шести часов вечера поужинали и на велосипедах направились в соседнюю деревню Завоя, расположенную у самого подножия Бабьей горы. Оставив велосипеды в маленьком ресторане, мы направились по отлогой тропинке. Скоро дорога пошла лесом. Стало темнеть. К сожалению, мы оставили на велосипедах фонари. Тропинка шла зигзагами. Желая сократить дорогу, Владимир Ильич предложил идти напрямик наверх. Мы поднимались быстрее, время от времени пересекая тропинку, но вдруг обратили внимание, что тропинка больше не попадаетея нам. Решив, что она осталась слева, сворачиваем туда, но тропинки нет. Стали ее искать в разных направлениях. И это не помогло. Не оставалось ничего иного, как идти напрямик вверх. Было уже темно, двигались мы медленно, натываясь поминутно то на кусты, то на пни. Грозил перспектива провести ночь в лесу. Вдруг мелькнул свет. Спешим туда. Увы! Это фосфоризованный свет гниющего дерева. Идем дальше. Опять вдали что-то светится. Вскоре свет становится более отчетливым. Начинаем различать два освещен-

ных окна. Находим дверь и входим в обширную комнату. Посредине большая плита, на которой весело кипит большой чайник и стоит разная туристская посуда. За столом и на нарах человек десять. На полу лежат развязанные рюкзаки. Мы в «схрониско». Поужинав, располагаемся на нарах и, утомленные дорогой, почти немедленно засышаем, поручив сторожу разбудить нас в четыре часа утра.

Утром сквозь сон слышу голос Владимира Ильича:

— Уже семь часов, а нас не разбудили! Восход солнца прозевали.

Зовем сторожа.

— Посмотрите, панове, в окно,— говорит он с улыбкой,— такой туман, что в двух шагах ничего не видно. Я и подумал, что вам лучше выспаться.

Действительно, шел сильный дождь. Кроме бледно-буроватого тумана, ничего не видно. Идти наверх нет смысла. Расспрашиваем сторожа, есть ли надежда на улучшение погоды. Его ответ неутешителен: раньше завтрашнего дня нельзя ожидать перемены погоды.

Таким образом, план наш потерпел неудачу. Ждать до следующего дня мы не могли ибо Владимиру Ильичу нужно было быть вечером в Кракове.

Под проливным дождем спускаемся вниз. Взяв в Завое велосипеды, с большим трудом по размытой дождем дороге едем в Маков. Неудача не обескуражила Владимира Ильича.

— В первый же свободный день я опять приеду,— сказал он, прощаясь.

И действительно, не прошло и двух недель,

как Владимир Ильич приехал в Маков (на этот раз по железной дороге). В Завой пошли пешком, а оттуда благополучно добрались до «схрониско». Захваченный с собой фонарь очень облегчал нам путь.

Сторож встречает нас, как старых знакомых, и обещает разбудить при всякой погоде. Четыре часа утра. Опять туман, но не такой густой, как в прошлый раз. По словам сторожа, на вершине может быть совершенно ясно.

Идем вверх, ориентируясь по красным знакам на камнях, указывающим дорогу. Вот и вершина, но туман не разошелся. Вид всего на несколько метров. Решили подождать, а пока позавтракать. Спустя полчаса туман начинает редеть, и перед нами открывается великолепная картина. Вдали — освещенная яркими лучами солнца длинная цепь Татр, как бы висящая в воздухе. Ниже все покрыто туманом, как сбитой пеной.

Владимир Ильич сияет:

— Видите, наши усилия не пропали даром!

В КВАРТИРЕ УЛЬЯНОВЫХ

Квартира Ульяновых на Звежинце оказалась неудобной. Она была далеко от вокзала, куда Владимир Ильич должен был ежедневно ходить для отправки писем (чтобы его статьи в «Правду» не опаздывали, он посылал их всегда с ночным поездом).

Недалеко от вокзала, на улице Любомирского, Ульяновы нашли квартиру в новом доме. Улица была застроена только с одной стороны.

Из окон квартиры Ульяновых открывался широкий вид на поля, тянувшиеся вдоль границы.

Скоро квартира приобрела своеобразный уютный вид. Чувствовалась атмосфера интеллектуального труда. На столах и окнах лежали гуды книг, газет и рукописей. На первый взгляд казалось, что они небрежно разбросаны. На самом же деле все было разложено по известной Владимиру Ильичу системе: он всегда сразу находил нужную ему книгу или статью.

С переездом Ульяновых на улицу Любомирского мы оказались соседями, встречи наши стали более частыми. Это дало мне возможность наблюдать повседневную жизнь Владимира Ильича. Если раньше я знал Владимира Ильича как крупного теоретика, то в этот период я понял, какими гениальными организаторскими способностями он обладал. Необыкновенно развитое чувство политической ситуации позволяло ему оценивать политическое положение и настроение масс по мелким, неуловимым для других фактам.

Каждое, даже незначительное, политическое событие раскрывалось перед ним в своем своеобразии и в своей связи с общим развитием революционной борьбы пролетариата. Подвергая глубокому марксистскому анализу факты, сопоставляя их друг с другом, он безошибочно находил политическую линию, которой надлежало следовать в каждый данный момент. Владимир Ильич всегда держал руку на пульсе политической жизни и в этом была его огромная сила как вождя партии.

Ульяновы жили чрезвычайно скромно. Литературная работа была главным источником их

доходов. Но она была нерегулярна. Цензурные условия в царской России затрудняли печатание там работ В. И. Ленина. От предлагаемой матерью помощи (она получала пенсию за мужа) Владимир Ильич отказывался. Ему неприятно было получать от родных даже небольшие продуктовые посылки, и обыкновенно он уверял их, что «теперь нужды нет...» Только в крайних случаях он временно соглашался на оплату его работы из партийной кассы.

СВЯЗИ С РОДИНОЙ

Новый подъем революционного рабочего движения в России способствовал быстрому расширению связей Владимира Ильича с революционными группами в главных промышленных центрах страны. Незначительная сначала переписка с Россией быстро росла и достигла нескольких сот писем в месяц. Переписку вела Надежда Константиновна; ей иногда приходилось засиживаться за письмами до позднего вечера. Только незначительное число писем из России посылалось непосредственно по краковскому адресу Ульяновых. Большинство же писем направлялось в разные страны на адреса политически нейтральных лиц, часто иностранцев, и оттуда пересылалось в Краков. Письма писались иносказательно. Надежда Константиновна умела их расшифровывать. О секретных вопросах писались химическими чернилами между строк внешне совершенно невинного вида письма. Наиболее важные сведения, кроме того, шифровались.

Скоро нашелся удобный способ пересылки писем в Россию, давший возможность избежать строгой цензуры, которой подвергались письма из-за границы. Через местных рабочих, с которыми у меня был контакт, удалось найти несколько надежных крестьян, регулярно приезжавших с российской стороны в Краков на базар. За небольшое вознаграждение, а часто совершенно бесплатно они соглашались перевозить через границу письма и опускать их в русские почтовые ящики, откуда они шли, как внутренняя корреспонденция, без специальной цензуры.

РАСПОРЯДОК ЖИЗНИ ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА В КРАКОВСКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Настойчивой, кропотливой работой Владимир Ильич восстанавливал старые связи, завязывал новые и создавал гибкий партийный аппарат, который мог противостоять всем ухищрениям царской охранки.

Владимир Ильич работал с раннего утра до позднего вечера, но работа его не утомляла. Чем больше было работы, тем больший подъем и внутреннее удовлетворение он чувствовал. Он распределял свое время так, что у него ежедневно оставался час-два для отдыха. Страстный любитель природы, он эти часы проводил в поездках на велосипеде или прогулках по окрестностям Кракова; когда позволяло время, он совершал дальние туристские экскурсии.

Самым частым спутником Владимира Ильича была Надежда Константиновна. Но по со-

стоянию здоровья она не всегда могла его сопровождать. Не все члены нашей небольшой русской колонии разделяли потребность Владимира Ильича в прогулках за город. Произошло своего рода разделение на «партии». Сторонников экскурсий называли шутя «прогулистами», а сторонников кино — «спнеместами». Владимир Ильич был «отчаянным прогулистом», как выразилась Надежда Константиновна в одном из писем к его матери.

Я принадлежал к «партии прогулистов», и потому Владимир Ильич часто заезжал за мной. Но в период подготовки к государственным экзаменам я иногда пытался отлынивать. Владимир Ильич был неумолим и убеждал меня, что потраченное на поездку время я, освежившись, быстро наверстаю. Мы обычно ездили в Вольский лес и в окрестные деревушки. Владимир Ильич внимательно присматривался к жизни местного населения. Он говорил, что польские деревни напоминают русские и ближе ему, чем западноевропейские. Видя бедность польских крестьян, он выражал уверенность, что они скорее, чем западноевропейские крестьяне, воспримут идеи социализма.

Рабочий день Владимира Ильича был строго распределен. Вставал он около восьми часов и при всякой погоде совершал небольшую утреннюю прогулку. После завтрака садился за работу. Около десяти часов приходила первая почта, наиболее интересная, так как в ней находились газеты из России. Содержание их в значительной степени определяло работу данного дня: газеты давали темы для очередных статей в «Правду». К этому времени приходили

товарищи. Владимир Ильич обсуждал с ними актуальные вопросы и распределял литературные задания. Письма поступали в распоряжение Надежды Константиновны, которая сейчас же садилась за ответы на наиболее срочные. Владимир Ильич уединялся в свою комнату и в течение ближайших часов был недоступен.

Только в исключительных случаях, когда приезжали товарищи из России, этот порядок нарушался. Беседы с приезжими Владимир Ильич считал наиболее важными.

Около двух часов был перерыв на обед. Хозяйством занималась Надежда Константиновна. Ее кулинарные способности, при наличии других, более важных функций, не давали особенно хороших результатов. Но Владимир Ильич был неприветлив и ограничивался шутками, вроде того, что ему приходится слишком часто есть «жаркое», имея в виду подгоревшее вареное мясо.

После обеда продолжалась работа. Часов около пяти Владимир Ильич делал перерыв для прогулки за город на велосипеде или пешком. Зимой прогулки заменялись катаньем на коньках. Кто видел этого юношески бодрого веселого конькобежца, совершавшего замысловатые фигуры на льду, не подумал бы, что перед ним великий вождь и теоретик революционного пролетариата.

К приходу вечерней почты — около семи часов — Владимир Ильич возвращался домой и продолжал работу до позднего вечера. К одиннадцати часам ночи — времени отхода скорого поезда в Россию — он сам относил всю коррес-

понденцию на вокзал, чтобы она скорее попала в Петербург, в редакцию «Правды».

По вечерам у Ульяновых иногда собиралась небольшая группа товарищей. За чаем вокруг кухонного стола велись оживленные разговоры по текущим вопросам. Владимир Ильич обычно принимал в них живое участие. Он обладал замечательной способностью направлять разговор так, что собеседникам казалось, что они самостоятельно пришли к тому или другому заключению, хотя до этого иной раз думали совершенно иначе. Владимир Ильич незаметно передавал окружающим свой материалистический метод мышления. Его простота, скромность и теплое, товарищеское отношение создавали атмосферу равенства. Он никогда не давал собеседникам почувствовать свое интеллектуальное превосходство.

РУКОВОДСТВО БОЛЬШЕВИСТСКОЙ «ПРАВДОЙ»

Необходимость быть ближе к редакции «Правды» была, собственно, одной из причин, побудивших Владимира Ильича переехать в Краков. Его мысль, что «Правда», созданная в 1912 году, должна сыграть такую же организующую роль, какую в 1900-м сыграла «Искра», полностью оправдалась. Постепенно вокруг «Правды» сгруппировались наиболее активные партийные работники и повели работу по объединению рабочих и созданию нелегальных партийных организаций. Этому способствовал

начавшийся тогда революционный подъем в широких массах русского рабочего класса.

Владимир Ильич был не только главным литературным работником «Правды», он был фактическим ее редактором, руководителем. Между тем это было нелегко. Текущие номера «Правды» часто приходили в Краков нерегулярно, а иногда вовсе не доходили до Владимира Ильича, не говоря уже о других газетах, которые были необходимы ему для работы. Нередко Владимир Ильич в письмах сетовал на перебои в доставке ему газет из Петербурга.

Во время вечерних бесед с товарищами Ленин часто говорил, что было бы неправильно, если бы «Правда» затушевывала разногласия большевиков с ликвидаторами.

Владимир Ильич не только руководил редакцией «Правды», но и был самым внимательным ее читателем. Он всегда прочитывал газету от первой до последней строчки. Чтение «Правды» давало ему несравненно больше, чем всем другим. Мелкие, казавшиеся на первый взгляд сухими заметки и корреспонденции с мест давали Владимиру Ильичу ясную картину жизни рабочих, их настроений, степени организованности.

— Эти заметки,— не раз говорил он,— куда важнее многих передовых статей. Они являются барометром местной жизни, показателем революционного настроения, сознательности и организованности рабочих.

Как-то раз я застал его за выпиской цифр денежных поступлений в «Правду» из отдельных городов. Видя мое удивление, Владимир Ильич с улыбкой сказал:

— Цифры — самая надежная вещь для оценки действительности. Из взносов отдельных рабочих групп можно судить об активности и степени сознательности рабочих данной местности и о нашем влиянии на них. Сравните поступления от рабочих в «Правду» с поступлениями в меньшевистские газеты, и вы наглядно увидите, чье влияние сильнее.

Впоследствии я узнал от Надежды Константиновны, что Владимир Ильич просил ее составить диаграмму денежных поступлений в «Правду» из различных городов.

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ РУКОВОДИТ КАМПАНИЕЙ ПО ВЫБОРАМ В IV ДУМУ

Осенью 1912 года внимание Владимира Ильича было приковано к выборам в IV Государственную думу.

— Выборы должны сыграть организующую роль в сплочении рабочих вокруг основных лозунгов партии, — говорил Владимир Ильич.

Он целиком ушел в связанные с выборами вопросы. Даже во время прогулок Владимир Ильич часто касался этой темы, хотя обычно избегал на прогулках говорить о вопросах, связанных с повседневной работой. В ряде статей в «Правде» Владимир Ильич давал общую установку для предвыборной кампании. Нужны были гениальные способности Ленина, чтобы, находясь в Кракове, учитывать все, даже мельчайшие, явления российской действительности и наметить правильную тактику партии. Теперь эта тактика большевиков в думских выборах

кажется такой ясной, такой само собой разумеющейся, но тогда, осенью 1912 года, это было чрезвычайно сложно. Реакционный закон о выборах в Думу создавал для избирателей-рабочих массу преград. Административная практика делала эти преграды почти непреодолимыми. К куриальной системе выборов и их трехстепенности прибавились аресты передовых рабочих, выступавших на легальных предвыборных собраниях.

Владимир Ильич считал, что большевики должны выступать с заостренными классовыми революционными лозунгами, отказываясь от каких-либо соглашений с буржуазными либералами.

По его мнению, следовало отбросить всякую погоню за мандатами.

— Все равно,— говорил он,— при нынешнем избирательном законе мы не можем рассчитывать на значительное число депутатских мест для рабочих. Гораздо важнее — число рабочих голосов, поданных за кандидатов большевистской партии. Это покажет силу нашего влияния на пролетариат.

Исход выборов в основном удовлетворил Владимира Ильича. Его радовало то обстоятельство, что за большевиков голосовало более миллиона рабочих, а за меньшевиков-ликвидаторов — всего около двухсот тысяч.

После выборов Владимир Ильич считал необходимым установить контакт с только что избранными в IV Думу депутатами-большевиками.

ДЕПУТАТЫ-БОЛЬШЕВИКИ У ЛЕНИНА

В конце декабря (по старому стилю) в Кракове состоялось совещание Центрального Комитета с партийными работниками, названное по конспиративным соображениям «Февральским». Кроме Ленина, Сталина и Крупской в совещании участвовали большевики — депутаты Думы: Петровский, Шагов, Муранов, Бадаев, Малиновский¹, а также Трояновский, Розмирович и другие.

Большинство депутатов впервые использовали свои депутатские права и приехали с легальными заграничными паспортами. Только товарищ Муранов еще не воспринял своей депутатской неприкосновенности и приехал старым, «надежным» способом, т. е. нелегально перешел границу. Владимир Ильич, узнав об этом, тут же при всех отчитал несколько сконфуженного Муранова:

— Подумайте, что бы было, если бы вы провалились на границе! В какое положение вы поставили бы всю фракцию!

Но по тону и по улыбке Владимира Ильича можно было видеть, что он отлично понимал недоверие Муранова к так называемой депутатской неприкосновенности. Впоследствии, когда началась первая мировая война, это полностью подтвердилось ссылкой всей фракции большевиков на поселение в Сибирь.

«Февральское» совещание состоялось на улице Любомирского, в квартире Владимира

¹ Впоследствии выяснилось, что Малиновский был провокатором.— *Ред.*

Ильича. Маленькие комнатки заполнились необычайно большим количеством товарищей.

В центре работ совещания были наиболее серьезные вопросы момента: революционный подъем в России, обострение стачечного движения, тактика думской фракции большевиков, укрепление нелегальных организаций партии, отношение к ликвидаторам, «национальные» организации социал-демократии.

Приезд партийных деятелей из России был большим праздником для Владимира Ильича. Он чувствовал себя в родной стихии, был очень оживлен и весел, в свободное от совещаний время вел продолжительные беседы с каждым из приезжих в отдельности и присматривался к ним. Владимир Ильич обладал особой способностью короткими вопросами направлять беседу по желаемому ему руслу и выяснять сущность интересующего его вопроса.

По конспиративным соображениям решено было разместить приехавших товарищей по возможности на частных квартирах. Только немногие остановились в гостиницах. Большинство было устроено у местных рабочих. Краковские рабочие в своей массе были настроены интернационалистски и охотно оказывали помощь русским товарищам, чего, кстати, нельзя было сказать о лидерах галицийских социал-демократов.

Вот характерный пример. Как было упомянуто выше, в Кракове существовал союз помощи политзаключенным, оказывавший материальную поддержку политкаторжанам без различия партийности и национальности. Лидер галицийских социал-демократов Дашинский сначала согласился принять участие в работе со-

юза, но потом, под влиянием правого, националистического крыла ППС (Польской социалистической партии), потребовал, чтобы помощь оказывалась только полякам. Когда правление союза на это не согласилось, Дашинский заявил о своем выходе из организации. Фактически начался бойкот союза руководящими кругами галицийской социал-демократии.

Рядовые рабочие не разделяли этой позиции руководства. Они были возмущены шовинизмом своих руководителей и продолжали оказывать поддержку союзу. Так же охотно и в данном случае они помогли нам найти удобные помещения для приехавших на совещание русских большевиков.

В памяти у меня сохранились фамилии только нескольких краковских рабочих, всегда отзывавшихся на наши просьбы относительно «полупасков», нелегальной пересылки писем и так далее. Это были сапожник Соха Яськевич и его семья и другие.

* *
*

После отъезда товарищей в жизни нашей колонии наступило затишье. Все вошло в прежнюю колею. Возобновились наши вечерние встречи и беседы. Владимир Ильич углубился в повседневную работу. Он внимательно следил за деятельностью думской фракции большевиков и разрабатывал тезисы для выступлений членов фракции. Главное свое внимание он по-прежнему продолжал уделять «Правде».

Бывали моменты, когда обычно жизнерадостный Владимир Ильич становился задумчивым. Он молча ходил по комнате, иногда оста-

навливался у окна и долго смотрел на поля, за которыми шла российская граница. Казалось, мысли его стремились перелететь через границу на родину, в то время для него недоступную.

Кроме текущей политической работы, Владимир Ильич всегда уделял часть своего времени какой-либо очередной теоретической работе или подготовке к ней. Даже беглый просмотр произведений Владимира Ильича за каждый период его жизни показывает, насколько глубоко проникала его мысль в самые разнообразные проблемы философии, истории, экономики, в вопросы русского и международного рабочего движения. Его работы резко отличались от обычных поверхностных журнальных статей и книг буржуазных публицистов. Каждое его теоретическое выступление было блестяще обосновано с научной точки зрения, прочно покоилось на фундаменте диалектического и исторического материализма.

Даже беглый и неполный перечень злободневных политических тем, которых касался в своих статьях Владимир Ильич в описываемый нами период, поражает своим многообразием. Он писал и о всеобщей стачке в Цюрихе, об успехах американских рабочих, о значении президентских выборов в Америке и об обновлении Китая, о либеральной рабочей политике в Англии, об окончании войны Италии с Турцией. И разумеется, откликаясь на все эти международные события, Владимир Ильич извлекал из них те уроки, которые были нужны для русского революционного рабочего движения.

С наступлением весны участились наши прогулки по окрестностям Кракова. Мы мечтали

поехать на несколько дней в Татры, но Владимир Ильич никак не мог выкроить для этого время. Он очень много работал и по вечерам, когда в кухне собирались остальные члены колонии, оставался в своей комнате.

БОЛЕЗНЬ Н. К. КРУПСКОЙ. ПЕРЕЕЗД В ПОРОНИИ

Здоровье Надежды Константиновны ухудшалось: начались частые сердцебиения, появились и другие симптомы базедовой болезни. Владимир Ильич забеспокоился. Надежда Константиновна не хотела обращаться к врачам. Наконец общими усилиями удалось уговорить ее, и она пошла к одному из лучших невропатологов Кракова. Тот посоветовал поехать на несколько месяцев в горы.

Долго обсуждался вопрос, куда ехать. В конце концов остановились на находящейся у подножия Высоких Татр деревушке Поронии.

В климатическом отношении Поронии подходил для лечения Надежды Константиновны. Там, кроме того, были условия для спокойной работы и то преимущество, что жизнь была дешева.

Владимира Ильича тревожило, не отразится ли переезд в Поронии на сношениях с Петербургом, и он просил меня разузнать все, что касалось почтовых сообщений. Выяснилось, что нужно было отправлять корреспонденцию всего на несколько часов раньше, чтобы она попадала на тот поезд, с которым Владимир Ильич посылал ее из Кракова. Это вполне его устраивало.

Поронии был фактически предместьем изве-

стного курорта Закопане — излюбленного летнего местопребывания польской интеллигенции, студенческой молодежи, политэмигрантов. Из знакомых там жили товарищ Вигилев (впоследствии советский консул в Польше), доктор Бжезинский (бывший народоволец), доктор Длуцкий (директор туберкулезного санатория), писатель Серошевский, с которым я познакомился в 1905 году в варшавской тюрьме. Днем большинство туристов уходило в горы и Закопане казалось вымершим. Вечером все оживало. Многочисленные кафе заполнялись самой разношерстной публикой. Здесь велись бесконечные дискуссии на политические и литературные темы.

Местное население состояло из так называемых гуралей. Это был своеобразный тип польских горцев. Высокые, худощавые, они носили живописные костюмы из белого корта, расшитого цветными узорами; брюки тесно охватывали ноги; наброшенные на одно плечо «гуньки» из того же материала напоминали гусарские накидки. Многие гуралы были профессиональными проводниками. Свободное от экскурсий время они проводили в кафе в беседах с туристами, оставляя женщинам хозяйственные и полевые работы.

Владимир Ильич неодобрительно смотрел на это «кафейное», как он выражался, братание, деморализовавшее горцев. Сам он не интересовался «кафейной» жизнью и бывал в Закопане только по пути в горы.

Природа Татр отличалась от природы знакомых Владимиру Ильичу швейцарских Альп. Здесь не было переходного травяного пояса, до-

ходящего в Альпах до двух тысяч метров над уровнем моря. Уже на высоте тысячи метров в Татрах начинался неширокий пояс «косоджевины» — низкорослых хвойных деревьев. Затем без перехода проступали совершенно голые скалы. Подъем на вершины бывал местами очень крут и доступен только опытным туристам при помощи вделанных в скалы железных скоб.

Владимир Ильич ценил то, что в отличие от швейцарских Альп в Татрах можно было в течение одного-двух дней взобраться на любую вершину. Ни гостиниц, ни фуникулеров, ни киосков с сувенирами, поражающих обычно своей безвкусицей и пошлостью, в Татрах тогда не было. В нескольких долинах были примитивные туристские хижины-«схрониско» с деревянными нарами и соломенными матрацами, часто даже без сторожей; туристам предоставлялась возможность самостоятельно в них хозяйничать, пользоваться дровами и т. д. Только в долине озера Морское око было проложено шоссе и имелась единственная в горах гостиница.

Культура швейцарских Альп, где можно было доехать до многих вершин на фуникулере, не прельщала Владимира Ильича. Главную прелесть горных экскурсий он видел в преодолении трудностей подъема и в многообразии впечатлений, которые давал самый процесс подъема в горы.

Ульяновы сняли крестьянскую хату с верандой и мансардой, расположенную на границе между Поронином и соседней деревней Чарны Дунаец. Хозяйка дома Тереза Скупень жила в другом домике, поодаль. Нанятый Ульяновыми домик стоял на поляне приблизительно в двух-

стах метрах от шоссе, у подножия небольшого холма. Внизу были две большие комнаты. В одной из них устроили спальню Владимира Ильича и Надежды Константиновны; она же служила рабочей комнатой Владимира Ильича. Во второй комнате поместилась мать Надежды Константиновны Елизавета Васильевна, приехавшая к ним в 1913 году из России. Вдоль дома шел узкий балкон, ведущий в обширную кухню, которая была рабочей комнатой Надежды Константиновны и «приемной», где по вечерам часто собирались жившие в Поронине товарищи. Наверху впоследствии поселился бежавший из Сибири товарищ Тихомирнов.

Моя квартира находилась недалеко от вокзала, приблизительно в полукилометре от дома Ульяновых. Дальше в сторону Закопане был центр Поронина — почта и лавки. На другой стороне Дунайца поселились другие члены нашей колонии.

В Поронине Владимир Ильич вставал часов в семь и шел обычно купаться в Дунайце. Быстрая горная речка была в общем мелкой, но вблизи дома Скупень мы нашли довольно глубокое место, где можно было даже плавать. Росший на берегу кустарник скрывал купающихся от проезжей дороги.

После завтрака Владимир Ильич садился за работу, которая длилась часов до семи вечера, с небольшим перерывом на обед. Работал Владимир Ильич в своей комнате за большим столом, находившимся между двумя окнами. Иногда в хорошую погоду он шел с работой на лежащий около дома холм, откуда открывался широкий вид на горную цепь Татр.

— Этот вид, — говорил он, — не только не рассеивает внимания, но помогает сосредоточиться.

Электрического освещения в то время в Поронине не было. Работать при свете маленькой керосиновой лампы было трудно. Поэтому Владимир Ильич старался закончить работу за светом. Часов около семи он отвозил письма на вокзал и совершал затем небольшую прогулку пешком или на велосипеде. Прогулки пешком совершались обычно по холмам, тянувшимся вдоль долины, в которой были расположены Поронин, Чарны Дунаец и другие деревушки у шоссе, ведущего к уездному центру — городу Новый Тарг. На велосипедах можно было ехать по направлению к Новому Таргу, Закопане или к деревушке Буковина по проселочной дороге, проложенной параллельно горной цепи Татр.

Часто по вечерам мы, небольшая группа товарищей, собирались у Ульяновых. Шли оживленные разговоры на злободневные политические темы. Надежда Константиновна не всегда принимала в них участие: она садилась в стороне и заканчивала текущую корреспонденцию.

Владимир Ильич бывал обычно оживлен, острит и нередко добродушно подшучивал над «бабушкой», Елизаветой Васильевной, выбирая темы, которые должны были вызвать ее возражения. Отношения между ними были очень трогательные. Владимир Ильич ее уважал и снисходительно относился к некоторым ее слабостям. Елизавета Васильевна гордилась Владимиром Ильичем, но это не мешало ей «пробираться» его за «жизненную непрактичность».

Нередко Владимир Ильич предлагал кому-либо из присутствующих сыграть в шахматы. Играл он очень сосредоточенно, редко оставляя безнаказанными промахи противника. Если дела его принимали угрожающий характер, он становился серьезен, переставал шутить, задумывался и часто находил выход из затруднительного положения. Наблюдавшие со стороны по его улыбке понимали, что он уже вывернулся. При проигрыше он добродушно признавал свое поражение и объяснял, в чем заключалась его основная ошибка, отдавая должное удачной комбинации противника. Я играл слабее Владимира Ильича и испытывал большое удовлетворение, когда мне удавалось выиграть. Большинство из нас было мало знакомо с теориями шахматной игры, и это делало еще разнообразнее и самобытнее наши сражения.

РЕФЕРАТЫ В ЦЮРИХЕ, ЛОЗАННЕ, ЖЕНЕВЕ И БЕРНЕ

Вопреки ожиданиям горный воздух не вызвал улучшения здоровья Надежды Константиновны. Сердцебиения стали повторяться, усилились другие симптомы базедовой болезни. Она совершенно перестала принимать участие в наших прогулках. Владимир Ильич неоднократно беседовал со мной по этому поводу. В конце концов пришли к заключению, что самое целесообразное — обратиться к известному в то время специалисту по заболеваниям щитовидной железы профессору Кохеру. Для этого нужно было ехать в Швейцарию, в Берн. Владимир

Ильич не хотел отпустить Надежду Константиновну одну в такое далекое путешествие и решил сопровождать ее. Это требовало жертвы ценного времени и было затруднительно по материальным соображениям. Но Владимир Ильич не колебался. Ущерб в работе, наносимый поездкой, он решил наверстать укреплением заграничных партийных секций, посетив их во время поездки. Одновременно он решил прочесть рефераты в Вене и в швейцарских городах, что частично разрешало и материальный вопрос.

Елизавете Васильевне было уже семьдесят лет, и она была довольно беспомощна. Оставлять ее одну Ульяновы не решились. Владимир Ильич просил меня на время их отсутствия переселиться в их квартиру, с чем я, конечно, согласился.

Кохер сделал Надежде Константиновне операцию, и ей пришлось оставаться в больнице несколько недель. Владимир Ильич за это время ознакомился с работой ряда швейцарских секций и прочел рефераты в Цюрихе, Лозанне, Женеве и Берне. При этом он не прерывал ни на один день своего сотрудничества в «Правде» — на ее страницах по-прежнему регулярно появлялись его статьи на злободневные темы.

После полуторамесячного отсутствия Ульяновы вернулись в Поронин, довольные результатами поездки. Состояние здоровья Надежды Константиновны после сделанной ей операции значительно улучшилось, сердцебиения прошли, силы окрепли. Несмотря на предписание Кохера беречься на первых порах, она сразу же порывалась поскорее вплотную взяться за работу. Уговоры Владимира Ильича не действовали. Он

несколько раз пытался прибегнуть к моему «врачебному» авторитету, но и это помогало ненадолго. В конце концов Надежда Константиновна взбунтовалась, заявила, что совершенно здорова и ей никакие врачебные советы не нужны. Единственный компромисс, на который она пошла, заключался в том, что она согласилась воздержаться от высокогорных экскурсий.

ПОДЪЕМ НА РЫСЫ

Как только позволяла работа, Владимир Ильич выкраивал один-два дня для прогулок в горы. У нас не было туристской экипировки, необходимой для высокогорных восхождений, но все же мы несколько раз одолевали трудные вершины. Наиболее популярная среди туристов вершина горы Гевонт, расположенная непосредственно над Закопане, нас мало интересовала: слишком уж шумно там было. Тянуло подальше в глубь Татр.

Владимир Ильич был очень выносливым туристом. Я, на десять лет моложе его, иногда с трудом поспевал за ним. А остальные члены нашей поронинской колонии, тяжелые на подъем, отказывались от наиболее трудных экскурсий.

Особенно запомнился мне подъем на Рысы вскоре после возвращения Владимира Ильича из Швейцарии.

В ясное утро небольшой группой мы вместе с моей неразлучной собакой Жуликом отправились в Закопане. По выходе из Закопане в горы начался сосновый лес. Нас охватила горная про-

хлада. Извилистая дорога постепенно поднималась вверх. Внизу журчал горный поток.

У всех было приподнятое настроение. Жулик тоже разделял его и весело прыгал около нас. Он строго наблюдал, чтобы мы не разбредались и никто не уходил бы далеко вперед или не отставал. Стоило ему заметить такой случай, как он поднимал громкий лай и не успокаивался до тех пор, пока мы снова не собрались вместе. Владимиру Ильичу очень понравился этот «общественный» инстинкт Жулика.

Без особых усилий мы дошли до живописной долины Халя Гонсеницова. Посредине нее в небольшой котловине, окруженной со всех сторон высокими скалами, находился популярный и чаще других посещаемый Чарны став (Черное озеро), а недалеко от него — «схрониско», где весь день топилась плита и бурлил в чайнике кипяток.

Мы расположились на скалах около «схрониско» и вынесли туда чай. Некоторые из наших спутников, покуривая, растянулись на камнях. Мы с Владимиром Ильичем, как некурящие, сошли к озеру. Вода его, издали казавшаяся черной от отражавшихся в ней скал, в действительности была чрезвычайно прозрачной. Глубоко на дне можно было отчетливо различить отдельные камни и водяные растения.

После часового отдыха двинулись к перевалу Заврат. Скоро кончилась тропинка. Нужно было карабкаться по скалам. В наиболее крутых местах в скалы были вделаны железные скобы для облегчения подъема. С их помощью мы и стали осторожно подниматься вверх.

При устройстве скоб явно не были учтены интересы Жулика, о чем время от времени он напоминал жалобным визгом. В конце концов он все-таки находил выход и с радостным лаем догонял нас.

Вид с перевала вознаградил нас за трудности подъема. Оттуда с одной стороны открывался обзор Хали Гонсеницовой и Чарного става, с другой — очаровательной продолговатой долины и дальше извилистой цепи Высоких Татр. В долине, как жемчужины, сверкали пять небольших озер.

— Нам стоило сюда карабкаться! — сказал Владимир Ильич.

Спуск с перевала был сравнительно легким. Скоро мы выбрались на тропинку, которая правильными зигзагами шла полого вниз. В долине мы подошли к первому из пяти озер, освежились его почти ледяной водой и двинулись дальше.

В долине находилось еще одно «схрониско». Мы не задержались там, ибо хотелось скорее добраться до цели нашей сегодняшней экскурсии — Морского ока (Морского глаза). Прошли долину. Начался второй, невысокий перевал; к нему вела удобная тропинка. Скоро мы очутились на перевале, откуда открылся вид на еще более интересную долину, в глубине которой среди скал виднелось озеро. Оно действительно производило впечатление глаза, глубоко сидящего в орбите.

В эту долину из Закопане было проложено шоссе. Поэтому ее часто посещала фешенебельная публика, приезжавшая сюда на лошадях. Недалеко от озера стояла вполне современная

гостиница. Нам она была не по средствам, и мы предпочли направиться в туристскую хижину в нескольких десятках метров от гостиницы. Обеспечив себе ночлег и оставив рюкзаки, мы пошли к озеру, о котором столько слышали. Несмотря на усталость после долгого карабка по горам, мы обошли часть озера по берегу, наслаждаясь прекрасным ландшафтом.

Утром часть компании, напуганная рассказами о трудностях подъема на Рысы, предпочла вернуться домой, а мы с Владимиром Ильичем решили довести до конца ранее намеченный план.

Жулика, во избежание осложнений при подъеме, пришлось отправить с товарищами домой. Перед нашим уходом на Рысы огорченного пса заперли в хижине. Как мы потом узнали, он, после того как его выпустили, долго с воем бегал, разыскивая нас, а потом улегся и не хотел двинуться с места. Товарищам пришлось возвращаться в Закопане под жалобный вой Жулика.

Подъем оказался не таким трудным, как мы предполагали, но был очень утомителен и однообразен. Тропинка шла небольшими зигзагами по крутому склону горы. Оглядываясь назад, мы видели постоянно расширяющуюся панораму горных цепей, а внизу — кажущееся совсем маленьким Морское око. Владимир Ильич несколько раз останавливался, стараясь узнать отдельные вершины, которые отсюда имели совершенно другой вид, чем из Поронина.

Подходим почти к самой вершине. Осталось преодолеть небольшой, но самый трудный участок пути. Связь с массивом Рысы как бы

прервалась. В нескольких метрах мы ясно различали тропинку, ведущую на вершину. Но, чтобы на нее попасть, нужно было перебраться по острому гребню, имеющему вид седла, бока которого спускались почти отвесно в глубокие пропасти. Оглядываюсь. Владимир Ильич на середине гребня задержался, но вот он двигается и добирается до меня. Оказывается, он не вовремя посмотрел вниз и почувствовал головокружение, которое, однако, быстро преодолел.

Мы на вершине. Перед нами широкая горная панорама.

Посидели там около часа, отдохнули, пообедали взятыми с собой продуктами и стали готовиться к спуску.

Опасаясь, как бы осложнение на гребне не повторилось, предлагаю спускаться другой дорогой — под предлогом, что там будут новые виды. Владимир Ильич сразу разгадал мой маневр и резко ответил:

— Не следует избегать трудностей! Нужно уметь их преодолевать! — И с этими словами двинулся вниз и скоро благополучно перебрался через гребень.

Без всяких инцидентов мы спустились в долину, удовлетворенные совершенной экскурсией.

«ЛЕТНЕЕ» СОВЕЩАНИЕ В ПОРОНИНЕ

В конце сентября (по старому стилю) 1913 года в Поронине было особенно оживленно. Там началось совещание Центрального Комитета РСДРП с партийными работниками.

Прпехали депутаты Государственной думы. Как делегат от петербургской организации в совещании участвовала Инесса (Арманд), от журнала «Просвещение» — Трояновский, от киевской организации — Розмирович и другие.

В Поронине с устройством совещания было гораздо проще, чем в Кракове. Сюда часто наезжали на несколько дней туристы, и на новых лиц никто не обращал внимания. Большинство приехавших товарищей остановилось в пансионе Гута (теперь в этом доме находится музей В. И. Ленина). Само совещание состоялось в квартире Владимира Ильича, в доме Терезы Скупень. Официально оно было названо «Летним», чтобы ввести в заблуждение царскую охранку. Несмотря на эту предосторожность, охранка получила о совещании самые точные сведения, так как среди участников совещания оказалось два впоследствии разоблаченных провокатора — Малиновский и Лобов.

СНОВА В КРАКОВЕ

В конце октября Ульяновы переехали из Поронина в Краков. Поселились они на той же улице Любомирского, что и в прошлом году, но в другом доме. Возобновился прежний образ жизни.

Рабочий день Владимира Ильича отличался от прошлогоднего разве только тематикой его ежедневной работы: особенно много внимания приходилось ему уделять думской фракции. Там создалась чрезвычайно сложная обстановка. Меньшевики, создав сплоченную «семерку» против «шестерки» большевиков, продолжали

выдвигать своих кандидатов в думские комиссии и давали им возможность выступать на пленарных заседаниях. Владимир Ильич часто с негодованием говорил о действиях меньшевиков. Принятое Поронинским совещанием решение о возможности оставаться в общей с меньшевиками фракции только при условии равноправия не было принято во внимание «семеркой». Тогда большевистская часть думской фракции РСДРП приняла решение о создании собственной фракции большевиков.

Владимир Ильич очень одобрил этот шаг. В письме в редакцию газеты «За правду» он приветствовал «превосходное начало борьбы шести депутатов за уважение воли большинства рабочих».

Непрерывно занятый важной политической работой, Владимир Ильич не забывал своих товарищей, находившихся в тюрьмах и в ссылке. Он не только помнил, кто где находится, но следил за материальным положением каждого и состоянием его здоровья. Он нередко поднимал вопрос о посылке денег особенно нуждающимся товарищам и несколько раз обращался за средствами для организации побегов тех из большевиков, которые были особенно нужны партии.

Поражала щепетильность, которую проявлял в этом деле Владимир Ильич. Он знал, что союз помощи политическим заключенным¹ ока-

¹ Краковский союз сначала работал только в Кракове, но постепенно создал свои филиалы в большинстве крупных заграничных центров: в Вене, Берлине, Праге, Брюсселе, Льеже, Нанси, Тулузе, Цюрихе, Берне, Лозанне, Базеле, Женеве, Давосе и др.

зывает помощь революционерам всех партий, и поэтому никогда не пытался добиться каких-либо преимуществ для большевиков. Наоборот, он останавливал товарищей, стремившихся «урвать» побольше для «своих». Особенно в этом отношении отличалась давосская группа. Это ставило меня, как секретаря союза, в затруднительное положение, и я неоднократно говорил об этом с Владимиром Ильичем. Он выслушивал меня со своей обычной умной усмешкой и поручал Надежде Константиновне умерить аппетит «давосцев».

ДОКЛАД ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА В БОЛЬШОМ ЗАЛЕ «СПУЙНИ»

Большим событием в политической жизни Кракова этого периода был состоявшийся 8(21) марта 1914 года доклад Владимира Ильича, организованный студенческой прогрессивной организацией «Спуйня» («Союз»). Он привлек внимание сторонников различных партийных течений. Обширный зал «Спуйни» был набит до отказа.

Я первый раз видел Владимира Ильича выступающим на большом собрании, и потому это его выступление особенно запечатлелось в моей памяти. Владимир Ильич начал доклад тем же спокойным тоном, каким обычно говорил дома. Не повышая голоса, без каких-либо ораторских приемов, он сразу же ввел слушателей в сущность намеченной темы. Анализируя политико-экономические условия России, он указал на неизбежность развития капитализма и на связанный с этим процессом рост рабочего движе-

ния. Со свойственной ему краткостью и ясностью изложения мыслей он обрисовал роль пролетариата в революционном движении вообще и в частности в российских условиях. Далее Владимир Ильич подчеркнул необходимость согласованной борьбы пролетариата всех национальностей, находящихся под игом самодержавия. Перейдя к национальному вопросу, он развил свою точку зрения на право всех наций на самоопределение вплоть до образования ими национальных государств.

Двухчасовой доклад был выслушан с напряженным вниманием. Для большинства слушателей были совершенно новы его основные положения. Они вызвали многочисленные вопросы, на которые Владимир Ильич кратко и ясно ответил.

Началась оживленная дискуссия, длившаяся три вечера. Основные тезисы Владимира Ильича вызвали возражения как членов так называемой революционной фракции ППС, так и членов Социал-демократии Польши и Литвы.

Вопросы, всплывшие на дискуссии, неоднократно обсуждались затем по вечерам у Ульяновых. Во время этих бесед В. И. Ленин разъяснял мне основные принципы интернационализма рабочего движения, чуждого всякой националистической закваски, давал анализ проявлений национализма в самых разнообразных формах. Особенно резко осуждал он всякое проявление антисемитизма.

— Даже малейший оттенок антисемитизма, — говорил Владимир Ильич, — доказывает реакционность проявившей его группы или отдельного лица.

С другой стороны, он резко осуждал бундовцев за их стремление обособить еврейское рабочее движение от борьбы рабочих других национальностей. Позицию бундовцев он считал вредной не только с точки зрения необходимости единства рабочего движения, но и идеологически.

— Эти тенденции, — говорил он, — надо выместить из рабочего движения, так как они в корне противоречат идее рабочей солидарности.

* *
*

В мае 1914 года вся наша колония опять переехала в Поронин. Владимир Ильич убедился, что там он может работать не хуже, чем в Кракове, и что там удобнее, чем в Кракове, устраивать совещания.

В этом году наша колония была больше, чем в прошлом году. Приехало двое литовских социал-демократов, один из которых был Мицкевич, фамилии другого не помню. Приехал также один из польских социал-демократов. А несколько позже приехал из Сибири товарищ Тихомирнов.

Летом 1914 года мы совершили несколько путешествий в горы. Некоторые не оставили по себе никаких воспоминаний, а иные, изобилующие неожиданными происшествиями, отчетливо запечатлелись в памяти. Особенно запомнился веселый подъем на вершину горы Свиница.

Когда мы рано утром вышли из Поронина, погода была прекрасная. Наша небольшая группа нарядилась «под настоящих туристов». У всех были короткие брюки, длинные шерстя-

ные чулки и «тюпаги» — горные палки с железным наконечником и топориком вместо ручки. Вдруг кто-то обратил внимание на то, что Владимир Ильич явился в своем обычном городском костюме и... с зонтиком. Его заурядная одежда вызвала общий протест, особенно зонтик. Владимир Ильич отшучивался и защищался, говоря о возможности перемены погоды в горах. Безоблачное небо так не гармонировало с его аргументами, что мы его высмеяли.

— Подождите, — сказал он, — вот будет дождь, тогда не проситесь под зонтик.

Чтобы не дразнить нашей туристской «гордости» и не «компрометировать» нас своим видом, Владимир Ильич перешел на другую сторону дороги. Весь этот эпизод вызвал много веселого смеха.

Неожиданно нас догнал запыхавшийся Жулик, которого мы заперли дома, боясь осложнений с ним при крутом подъеме на Свиницу, где дорога местами идет почти совершенно отвесно по скобам, наподобие пожарной лестницы. Делать было нечего, пришлось смириться с участием Жулика в экскурсии.

Когда вышли на Закопане и начали подниматься, история с зонтиком была забыта, и мы все мирно пошли вместе.

Подъем на Свиницу оказался сложнее, чем мы предполагали. Как мы и предвидели, особенно много хлопот доставил Жулик. В отдельных местах приходилось передавать его с рук на руки. Присмиривший Жулик безмолвно покорялся этой процедуре.

Приближаемся к вершине. Небо начинает покрываться тучами. Не успели мы располо-

житься на вершине, как полил сильный дождь. Укрыться было негде, и мы тщетно жались к скалам.

Владимир Ильич спокойно уселся и открыл зонтик, поглядывая на нас с иронической улыбкой. Никто из нас не решился проситься под зонтик, вызвавший внизу столько шуток. Впрочем, и торжество Владимира Ильича оказалось непродолжительным: сильным порывом ветра его зонтик вывернуло наизнанку. Он пытался выправить его, но безрезультатно. Раздался дружный хохот. Владимир Ильич не мог удержаться и весело смеялся вместе с нами.

Надо было думать о спуске, который по скользким скалам был не прост. Самую большую сложность представлял Жулик. Но он разрешил вопрос самостоятельно: побежал в обход и начал спускаться, руководствуясь инстинктом горной собаки.

Наконец мы благополучно спустились к хижине у Чарного става и немного согрелись горячим чаем. Сушить одежду и обувь не было смысла: шел проливной дождь. Двинулись в Закопане и скоро стали так равнодушны к воде, что вместо тропинки пошли по ложу ручейка, которое казалось нам более ровным, чем тропинка. Усталые, мокрые, добрались мы до дому. К нашему удивлению, никто не получил даже насморка!

В этот период в Поронин к Владимиру Ильичу приезжало довольно много товарищей из России. Оживленный и жизнерадостный, он подолгу бродил с ними по окрестностям Поронина, давая в это время директивы и получая сведения о положении дел на местах.

НАЧАЛО ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Шла энергичная подготовка к очередному партийному съезду. Но созвать его не удалось: началась мировая империалистическая война. Война не могла не отразиться на нашем положении — российских граждан, находившихся теперь на «вражеской» территории. Над этим никто из нас как-то не задумывался. Мысли были заняты другим.

Связи с Россией порвались. Владимир Ильич молча ходил по комнате, когда я однажды вошел. Товарищи были в сборе. Вдруг он остановился и произнес:

— Необходимо во что бы то ни стало найти новые способы продолжения работы в условиях войны. Прежде всего следует возможно скорее установить связи с Россией через товарищей в Швейцарии и Швеции. Сегодня же напишем им. Нужно во что бы то ни стало добиться восстановления регулярных сношений с Петербургом.

Владимир Ильич ясно предвидел ход событий. Он разъяснял нам:

— Если сравнительно небольшая война с Японией, происходившая на Дальнем Востоке, так всколыхнула массы, то нынешняя война, гораздо более серьезная, к тому же ведущаяся ближе к жизненным центрам России, не может не привести к революции.

Он говорил далее:

— Со времени японской войны в российской армии не произошло никаких изменений. То же безграмотное офицерство, такой же генералитет, такое же интендантство, такой же низкий

уровень вооружения. Несмотря на всю свою доблесть и храбрость, русский солдат в такой обстановке много сделать не сможет.

Чувствовалось, что, с одной стороны, война должна была приблизить российскую революцию, а с другой, она, по крайней мере на данный отрезок времени, оторвала Ленина от революционной практики. Несмотря на изменившуюся обстановку, Владимир Ильич продолжал свою теоретическую работу. Он писал статью о К. Марксе для Энциклопедического словаря Гранат, разрабатывал материалы по аграрному вопросу, намечал новые работы на темы, навеянные войной.

Два раза в день, к моменту прихода газет, все собирались около почты. Там же обсуждались последние сообщения.

Владимир Ильич не принадлежал к числу оптимистов, предполагавших, что война закончится в течение нескольких недель.

— Война будет очень упорная, — говорил он, — у обеих сторон много военных и людских ресурсов. Капиталисты вынудят свои правительства вести войну до полного истощения одной из сторон.

С особенным вниманием следил Владимир Ильич за сообщениями о настроении рабочих в воюющих странах. С большим нетерпением ожидал он сообщений о заседании немецкого рейхстага, которому предстояло обсудить военный бюджет. На заседании должна была определиться позиция немецких социал-демократов. Владимир Ильич доверял им больше, чем французским социалистам: ведь немецкие социал-демократы так определенно высказывались

против войны на Международном социалистическом конгрессе в Базеле.

Мне навсегда остался памятен день, когда получилось сообщение о единогласном голосовании немецких социал-демократов за военный бюджет, предложенный германским правительством. 5 августа утром я поехал на вокзал к утреннему поезду, с которым в Поронин приходили краковские газеты. В них должно было быть сообщение о бывшем накануне заседании германского рейхстага. Беру газету, читаю: «Военный бюджет принят рейхстагом единогласно». Немедленно еду к Владимиру Ильичу и взволнованно сообщаю ему это известие.

— Не может быть! — воскликнул он. — Вы, вероятно, неправильно поняли польский текст телеграммы.

Показываю ему газету с краткой и не вызывающей сомнений телеграммой. Это его не убеждает. Зовем Надежду Константиновну. К знанию ею польского языка он относился с большим доверием. Надежда Константиновна подтверждает правильность моего перевода.

Владимир Ильич сразу же оценил историческое значение этой измены лидеров немецкой социал-демократии международному рабочему движению.

— Это конец II Интернационала, — произнес он и добавил: — С сегодняшнего дня я перестаю быть социал-демократом и становлюсь коммунистом.

Мы не придали значения этой вырвавшейся у него фразе. Потом стало ясно, что уже тогда В. И. Ленин стал вынашивать мысль о III, Коммунистическом Интернационале.

В течение нескольких дней Владимир Ильич был как-то замкнут. Очевидно, в нем шла большая внутренняя работа. Он понимал, что необходимо предпринять серьезные шаги. Со свойственной ему решимостью в важных, принципиальных вопросах он не поколебался пойти против общепризнанных авторитетов международного социалистического движения и провозгласить революционный призыв к беспощадной борьбе рабочих всех воюющих стран против их правительств, за превращение войны империалистической в войну гражданскую.

* *
*

Находясь в пределах Австро-Венгерской империи, воевавшей с Россией, Владимир Ильич был лишен возможности развернуть работу, направленную к сплочению революционных слоев пролетариата воюющих стран. Следовало переехать в какую-нибудь нейтральную страну, откуда можно было бы сноситься с Россией и с рабочими организациями других стран. Это было чрезвычайно сложно, так как правительства воюющих стран не выпускали граждан противной стороны.

Неожиданные обстоятельства пришли на помощь Владимиру Ильичу.

АРЕСТ ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА

Произошла нелепая история. Военный психоз докатился и до захолустной галицийской деревушки Поронин. Подстрекаемые местным

ксёндзом крестьяне начали наблюдение за группой «москалей». Какая-то темная крестьянка обнаружила «ужасную вещь»: один из «москалей» ходит на горку и там что-то пишет — очевидно, снимает стратегические планы Порошина. Местный жандарм, к которому обратилась крестьянка, произвел обыск у Владимира Ильича, ничего подозрительного не обнаружив, кроме непонятных ему цифровых таблиц и старого револьвера. Такие результаты обыска его немного обескуражили, но, по его полицейской психологии, не следовало пренебрегать доносом в «такое время». Он не решился сам арестовать Владимира Ильича и предложил ему поехать вместе с ним на следующий день в соседний город Новый Тарг.

После ухода жандарма Владимир Ильич приезжает ко мне на велосипеде. Ясно, что дело может принять неприятный оборот. Следовало немедленно заручиться поддержкой влиятельных местных граждан, знающих деятельность Владимира Ильича. Стали перебирать подходящих людей и остановились на хорошо знакомом мне директоре большого Закопанского санатория докторе Длуском. Он в свое время принимал участие в польском революционном движении и не мог не знать Владимира Ильича по литературе.

Недолго думая, садимся на велосипеды и едем в санаторий, находившийся в четырех-пяти километрах от Закопане. Длуский принял нас очень любезно. Он был рад случаю познакомиться с Владимиром Ильичем, не колеблясь, согласился поручиться за него перед старостой (уездным начальником) Нового Тарга и надеял-

ся быстро уладить дело, если... если оно не передано еще военным властям.

Прощаясь, он задал нам вопрос, какие у нас с собой документы. Когда мы ответили, что нет никаких, он пожурил нас за легкомыслие:

— Подумайте, в какую историю вы оба могли бы попасть, если бы после обыска у Владимира Ильича вас задержали едущими на велосипедах в сторону границы!

Он сейчас же написал нам справку о том, что хорошо нас знает и ручается за нашу благонадежность. Это оказалось не лишним. Не успели мы отъехать и двух километров, как нас остановил патруль. Справка всем хорошо известного доктора Длуского вполне удовлетворила патруль.

Добравшись благополучно до Поронина, мы распрощались. Владимир Ильич поехал к товарищам, чтобы предупредить их о происшедшем и обсудить дальнейшие шаги, а я направился к писателю Каспровичу заручиться и его поддержкой. История с Владимиром Ильичем очень его взволновала. Он сказал, что, конечно, охотно поговорит со старостой, но к военным инстанциям обращаться не может: жена его русская, причем дочь генерала, и поэтому вся его семья находится под подозрением у военных властей.

На другой день Владимир Ильич поехал в Новый Тарг, где его арестовали, так как дело уже было передано военным властям.

Наши закопанские друзья ничем теперь не могли помочь. Надежда Константиновна и другие товарищи послали ряд телеграмм социалистическим депутатам парламента: в Краков

Мареку, во Львов Диаманту, в Вену Виктору Адлеру. Это подействовало. Дней через десять из Вены пришло распоряжение об освобождении Владимира Ильича. В Вене потом ходили слухи о разговоре Адлера с австрийским премьер-министром. Тот задал ему вопрос:

— А вы вполне уверены, что Ленин действительно враг русского царя?

На это Адлер ответил:

— Наверно, более непримиримый, чем вы, ваше превосходительство.

В. И. ЛЕНИН В ШВЕЙЦАРИИ

Владимир Ильич получил разрешение поехать в Краков, а оттуда в Вену, где удалось добиться разрешения на выезд в Швейцарию.

Спустя несколько недель и я покинул ставший теперь негостеприимным Поронин и вместе с семьей Ф. Я. Кона поехал в Вену. Там при посредничестве депутатов парламента Элленбогена и Виктора Адлера я также получил разрешение на выезд из Австрии и в декабре приехал в Цюрих.

Владимир Ильич жил в это время в Берне. Он прибыл туда с Надеждой Константиновной 23 августа (5 сентября) 1914 года, а день спустя за городом, в лесу, собралась местная группа большевиков и, заслушав доклад В. И. Ленина, приняла его исторические «Тезисы о войне»¹.

¹ См. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 1—7.— *Ред.*

В 1915 году я имел возможность только два раза побывать у Владимира Ильича. Жили Ульяновы на окраине студенческого района Ленгассе, в небольшом чистеньком домике. Комнаты были студенческого типа и отличались только обилием книг и газет. В нескольких минутах ходьбы начинался большой лес, что особенно радовало Владимира Ильича. В хорошую погоду он там и работал. Обедали Ульяновы в студенческой столовой, находившейся недалеко от их квартиры. В столовой все было поставлено на самообслуживании: каждому обедающему приходилось два раза в месяц мыть посуду и выполнять другие обязанности дежурного. Товарищи пытались освободить Владимира Ильича от дежурства, но он категорически запротестовал и добросовестно выполнял эти свои «общественные обязанности».

Владимир Ильич, как всегда, был полон энергии. Когда я однажды зашел к нему, он с удовлетворением рассказывал, что удалось наладить регулярные сношения с Петербургом через Стокгольм, что установлен контакт с левыми социалистическими группами ряда стран. Всюду нашлись противники войны и последовательные социалисты.

Владимир Ильич горячо отстаивал план объединения этих групп. Когда я посетил его вторично в декабре 1915 года, этот план был уже осуществлен. Недавно закончилась Циммервальдская конференция¹. У Ленина еще

¹ С. Ю. Багоцкий имеет в виду Международную социалистическую конференцию в Циммервальде (Швейцария), происходившую 5—8 сентября 1915 г.—*Ред.*

свежи были впечатления от встреч с лучшими представителями социалистического движения европейских стран. Он относился критически к твердости взглядов многих циммервальдцев, но отдавал себе отчет в том, что эта конференция таит в себе зародыш сплочения пролетариата, расколотого изменой социал-патриотов разных стран и оттенков. С особым удовлетворением говорил он о мужественных выступлениях против войны русских товарищей-большевиков в Государственной думе.

В феврале 1916 года Ульяновы переселились в Цюрих. Я по выходным дням обычно приезжал туда из Виля и теперь чаще с ними встречался. Владимир Ильич и Надежда Константиновна жили в «старом городе», в полутемной комнате очень невзрачного дома на Шпигельгассе. Было много неудобств, особенно сказывалось отсутствие света. Даже днем трудно было работать без лампы. Большую часть дня Владимир Ильич проводил в местной библиотеке.

Затянувшаяся в России реакция не лишала Владимира Ильича бодрости. Как бы связанный невидимыми нитями с российскими рабочими, он чувствовал, что царящее там внешнее спокойствие — спокойствие перед бурей. Он часто говорил, что глубокое недовольство масс, загнанное царизмом в подполье, должно прорваться.

— Чем больше самодержавие будет душить недовольство масс, с тем большей силой оно прорвется, — говорил Владимир Ильич.

Материальное положение Ульяновых в этот период было очень тяжелым. Литературной работы было мало. Надежде Константиновне при-

шлось дополнительно к обычной партийной работе взять работу секретаря бюро эмигрантских касс. Она переутомлялась, чувствовала слабость, но превозмогала ее, старалась скрыть свое нездоровье от Владимира Ильича. Тот заметил и забеспокоился. Раз как-то он встретил меня с женой на мосту через Лиматт и стал жаловаться на Надежду Константиновну:

— Вижу, что она нездорова, да не хочет признаться и к врачу не идет.

Начали обсуждать, что сделать. Жене моей пришла тогда мысль пригласить Надежду Константиновну к себе в клинику «Бургхельцли», расположенную за городом, где жена моя жила и работала ассистентом. В клинике один из старших врачей был специалистом по эндокринным заболеваниям. Можно было устроить в ее комнате как бы случайную встречу Надежды Константиновны с этим специалистом.

Эта мысль Владимиру Ильичу понравилась. В один из ближайших дней я зашел к ним и, как будто между прочим, передал приглашение жены. Надежда Константиновна вначале отказывалась, ссылаясь на занятость. Владимир Ильич равнодушным тоном поддержал меня:

— Почему бы тебе действительно не пойти к Регине Эдуардовне? Проветришься, отдохнешь.

Надежда Константиновна согласилась и приехала к моей жене, которая предупредила врача-специалиста. Создалось положение, в котором Надежда Константиновна не могла отказаться от врачебного осмотра. К счастью, ничего серьезного не оказалось, но неожиданная атака медиков ее немало встревожила.

Надежда Константиновна долго не могла простить нам подвоха. Впрочем, некоторое время она подчинялась советам профессора о специальном режиме.

РЕВОЛЮЦИЯ В РОССИИ

15 марта 1917 года был теплый весенний день. Как обычно, около десяти часов утра направляюсь в городскую библиотеку, где я тогда работал по вопросам социальной гигиены. На площади Пфаузи вижу стоящего около газетного киоска Владимира Ильича, возбужденно листающего газеты.

— Вы еще не видели утренних газет? Смотрите! — восклицает Владимир Ильич и протягивает мне газету, на которой крупными буквами напечатано: «РЕВОЛЮЦИЯ В РОССИИ».

Начинаем просматривать газеты разных направлений. Всюду определенно говорится об отречении Николая II от престола. Спешим в русскую читальню, служившую клубом политических эмигрантов. По дороге Владимир Ильич анализирует разные возможности: очевидно, военные неудачи и недостаток продовольствия вызвали открытые выступления рабочих и солдат в Петрограде; отречение же Николая в пользу брата — последняя попытка спасти монархию.

Приходим в библиотеку. Владимира Ильича забрасывают вопросами.

— Роль царизма, — говорит он, — бесповоротно кончена... Нам придется иметь дело с

кадетами, которые, конечно, захотят продолжать войну вместе с союзниками. Необходимо собрать все свои силы и бросить их против кадетов, чтобы помешать им оседлать пролетариат.

Отдельные товарищи пытаются связаться с редакциями газет, но там еще никаких подробностей нет.

— Надо готовиться к отъезду в Россию, — бросает Владимир Ильич.

Эта мысль захватывает всех. Члены бюро эмигрантских касс решают созвать на вечер общее собрание. Вопрос об отъезде в Россию объединяет всех. Изредка раздаются скептические голоса: надо-де быть осторожными, не повторяется ли в России история 1905 года? Но эти голоса тонут во всеобщем хоре уверенности. Нет, теперь уже реакции восторжествовать не удастся!

Общее собрание решает созвать через два дня в Цюрихе общешвейцарский съезд эмигрантов для создания организации по возвращению на родину. Съезд выбирает комитет по возвращению политэмигрантов на родину и исполнительную комиссию из пяти человек, в число которых вхожу и я. Сносимся с эмигрантскими комитетами в Париже, Лондоне, Стокгольме. Вести неутешительные. Правительства держав Антанты способствуют возвращению на родину только социал-шовинистов, а интернационалистам чинят препятствия. От комитета, созданного в Париже, получаем 30 марта сообщение, в котором говорится о волнении среди эмигрантов, вызванном отъездом в Россию социалиста-революционера Бунакова и его друзей, в то время как интернационалистам заявлено во всех

официальных инстанциях, что для них возможности выехать в Россию сейчас нет.

Копенгагенский комитет сообщает 28 марта, что консульство выдает проходные свидетельства, с которыми приходится идти в английскую охранку, где проверяется, не числится ли данное лицо в списках военных шпионов. В эти списки умышленно было внесено много имен товарищей интернационалистов.

Такие же вести приходят из Скандинавских стран. Нам пишут: «Существуют международные списки (так называемые военно-контрольные списки). Они составлялись союзными правительствами. В эти списки вносились не только военные шпионы, но, под видом таковых, и видные политические эмигранты, точка зрения которых не соответствовала видам правительства соответствующей страны. По указаниям русской политической полиции в эти списки вносились главным образом циммервальдисты».

Российская миссия в Берне письмом от 24 марта сообщила Центральному комитету по возвращению политэмигрантов в Россию, что «в настоящее время пути для проезда в Россию нет и гарантий беспрепятственного следования в Россию она представить не может»¹.

Политические эмигранты почувствовали себя запертыми в клетке. Жизнь вдали от родины и так была тяжела; а тут хотя революция в России и сделала нас формально равноправными гражданами, но из-за реакционной политики

¹ См. *С. Багоцкий*. Возвращение в 1917 г. политических эмигрантов из Швейцарии в Россию. «Каторга и ссылка», 1925, № 1 (14), стр. 26.

Англии, Франции и Временного правительства осуществить свое право мы не могли.

Владимир Ильич наиболее нетерпеливо рвался на родину. Он понимал, как он там сейчас нужен. Одним из первых он понял, что англичане и французы не пропустят в Россию интернационалистов, и его в первую голову. Ленин строил всевозможные планы: то он говорил, что поедет через Германию в качестве глухонемого шведа со шведским паспортом; то решал обменяться паспортом с тов. Карпинским; то подумывал о возможности достать самолет. Но все это было пока неосуществимо.

В одном из его писем к товарищу в Стокгольме мы читаем:

«Вы можете себе представить, какая это пытка для всех нас сидеть здесь в такое время»¹.

Владимир Ильич пишет свои «Письма из далека», ведет оживленную переписку с находящимися в Швеции товарищами и через них посылает указания большевикам, работающим в Петрограде.

Уже 17 марта он пишет тезисы, в которых дает оценку политическому положению в России... Он решительно заявляет, что Временное правительство «не может дать ни народам России (ни тем нациям, с которыми связала нас война) ни мира, ни хлеба, ни полной свободы, и потому рабочий класс должен продолжить свою борьбу за социализм и за мир, должен использовать для этого новое положение и

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 419.

разъяснить его для самых широких народных масс»¹.

Большим событием в жизни цюрихской общности был реферат Владимира Ильича «О задачах РСДРП в русской революции», прочитанный 27 марта на немецком языке в цюрихском Народном доме. На докладе присутствовали не только многочисленные эмигранты разных партийных группировок, но и швейцарские рабочие. Владимир Ильич со всей определенностью подчеркнул реакционную роль Временного правительства, являющегося не чем иным, как «приказчиком банковской фирмы: «Англия и Франция»». Создавшееся в России положение он определил как своеобразную историческую ситуацию, как «момент *перехода* от первого этапа революции ко второму, от восстания против царизма к восстанию против буржуазии»².

Начались переговоры о единственно возможном пути возвращения в Россию — через Германию. В протоколе о проезде через Германию Владимир Ильич излагает историю этих переговоров:

«19-го марта, по получении первых известий о начале революции в России, состоялся по предложению Международной Социалистической Комиссии (Циммервальдской комиссии) съезд представителей всех русских и польских партий, примкнувших к Циммервальдскому объединению. В конце собрания съезда состоялось совещание, посвященное вопросу о воз-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 2.

² Там же, стр. 75.

вращении политических эмигрантов в Россию... В числе прочих предложений обсуждался план Мартова о возможности проезда через Германию в Стокгольм на основе обмена на соответствующее число интернированных в России германцев и австрийцев. Всеми участниками совещания план Мартова был признан наиболее благоприятным и приемлемым. Гримму было поручено завязать сношения со швейцарским правительством.

Несколько дней спустя тов. Гримм встретил Багоцкого, уполномоченного Комитета по возвращению русских эмигрантов на родину (Комитет, в котором представлены были все группы)... Гримм сообщил, что он имел беседу с членом Союзного Совета Гофманом, ведающим политическим департаментом (так называется в Швейцарии министерство иностранных дел.— С. Б.). Гофман, по словам Гримма, заявил, что швейцарское правительство не имеет возможности играть роль официального посредника, ибо правительства Антанты могут усмотреть в этом шаге нарушение нейтралитета. Тогда Гримм в частном порядке обратился за принципиальным согласием к представителю германского правительства»¹.

На следующий день после моего разговора с Гриммом, упомянутого в протоколе, в Цюрихе, в доме профсоюзов «Эйнтрахт», состоялось совещание представителей партийных групп. Мой доклад вызвал оживленную дискуссию. В принципе все были согласны, что через Францию — Англию путь для интернационалистов закрыт.

¹ Ленинский сборник II, стр. 385—386.

Но меньшевики, бундовцы и социалисты-революционеры хотели ждать согласия на поездку через Германию если уж не Временного правительства, то хоть Петроградского Совета рабочих депутатов.

Владимир Ильич резко выступил против всяких откладываний поездки:

— Все мы убеждены, что мы, интернационалисты, не сможем ехать через Англию. Ни Милюков, ни Петроградский Совет рабочих депутатов, в своем большинстве состоящий из социал-патриотов, нам в этом не захотят помочь. Они заинтересованы, чтобы мы подольше здесь сидели и не мешали им вовлекать российский пролетариат в продолжение начатой царизмом империалистической войны. Наш долг — не допустить этого. Чего вы боитесь? Будут говорить, что мы воспользовались услугами немцев? Все равно и так говорят, что мы, интернационалисты, продались немцам, так как мы не хотим поддерживать империалистическую политику буржуазии Франции и Англии. Откладывая поездку, мы нанесем вред рабочему движению, так как без нас социал-патриоты втянут рабочих в войну с немцами в интересах буржуазных кругов Антанты.

Горячая речь Владимира Ильича не повлияла на сторонников ожидания ответа из Петрограда. Собрание формально не дезавуировало данного мною Гримму поручения, но предложило Мартову завтра же поехать в Берн и просить Гримма пока не форсировать переговоры с Ромбергом.

По окончании собрания я вышел вместе с Владимиром Ильичем, и мы долго блуждали

по пустынным улицам Цюриха. Он с горечью говорил об излишней и ненужной осторожности Мартова и других.

— Ни один разумный человек не усомнится, что мы едем в Россию не по поручению немцев,— говорил Ленин.— Вся наша многолетняя работа служит тому доказательством, а дальнейшая работа еще более подтвердит это. Ведь просто преступно сидеть здесь сложа руки, когда мы так нужны пролетариату в России.

Ленин ждал еще несколько дней. Из России приходили телеграммы от товарищей, настаивавших на возможно скором его приезде. Сообщения же из Лондона и Парижа не давали надежды на изменение положения.

Владимир Ильич обратился тогда к одному из левых швейцарских социалистов с просьбой продолжить начатые Гриммом переговоры с немецким послом Ромбергом. Были выработаны основные положения договора между сопровождающим поезд швейцарским социал-демократом Фрицем Платтенем и немецкими властями. Этот договор относился ко всем четырем поездам, с которыми находившиеся в Швейцарии политэмигранты возвращались на родину. Он гласил следующее:

«1. Я, Фриц Платтен, сопровождаю за полной своей ответственностью и за свой риск вагон с политическими эмигрантами и беженцами, возвращающимися через Германию в Россию.

2. Сношения с германскими властями и чиновниками ведутся исключительно и только Платтенем. Без его разрешения никто не вправе входить в вагон.

3. За вагоном признается право экстерриториальности. Ни при въезде в Германию, ни при выезде из нее никакого контроля паспортов или пассажиров не должно производиться.

4. Пассажиры будут приняты в вагон независимо от их взглядов и отношений к вопросу о войне или мире.

5. Платтен берет на себя снабжение пассажиров железнодорожными билетами по ценам нормального тарифа.

6. По возможности, проезд должен быть совершен без перерыва. Никто не должен ни по собственному желанию, ни по приказу покидать вагона. Никаких задержек в пути не должно быть без технической к тому необходимости.

7. Разрешение на проезд дается на основе обмена на германских или австрийских военнопленных или интернированных в России.

8. Посредник и пассажиры принимают на себя обязательство персонально и в частном порядке добиваться у рабочего класса выполнения пункта 7-го.

9. Наивозможно скорее совершение переезда от Швейцарской границы к Шведской, насколько это технически выполнимо.

Берн — Цюрих. 4 апреля 1917 г.

(Подписал) *Фриц Платтен*.

Секретарь Швейцарской Социалистической Партии»¹.

¹ Ленинский сборник II, стр. 389—390.

НА РОДИНУ

9 апреля. Ясный весенний день. Громадный цюрихский вокзал, обычно шумный и наполненный оживленной толпой туристов и курортников, тих и почти пуст. Война сделала невозможным приезд в Швейцарию англичан, американцев, немцев и французов. Только немногочисленные швейцарцы деловито спешат к поездам, отходящим в разных направлениях.

У идущего к немецкой границе поезда стоит небольшая группа скромно одетых людей. Это политэмигранты и швейцарские рабочие, пришедшие проводить Владимира Ильича. Среди рабочих преобладает молодежь. Это члены кружка, группирующегося вокруг журнала «Фрайе югенд», с которыми Владимир Ильич вел занятия. Впоследствии они составили основное звено Швейцарской коммунистической партии.

Этот исторический момент внешне прошел незамеченным. Только провожающие чувствовали значение отъезда Владимира Ильича на родину после почти 15 лет эмигрантской жизни (впервые он приехал за границу в 1900 году совсем молодым).

Сейчас Владимир Ильич пытался скрыть овладевшее им внутреннее волнение под веселой шуткой и непринужденной беседой с провожающими. Но мысли его уже далеко от Цюриха. Частое поглядывание на часы говорит о том, с каким нетерпением ждет он момента отъезда. Наконец раздался последний свисток паровоза, и поезд медленно покинул вокзал под дружное «ура» провожающих.

Оставшиеся долго еще вспоминали об уехавших. Невольно в голову приходила мысль: не подведут ли немцы, не нарушат ли заключенного договора, не примет ли Временное правительство решительных мер, чтобы помешать приезду Владимира Ильича в Россию?

Но вот пришла телеграмма: группа эмигрантов благополучно прибыла в Стокгольм. Прошло еще несколько дней — и вот оно, долгожданное сообщение: Ленин прибыл в Петроград!

* *
*

Во второй половине декабря, закончив работу по репатриации политических эмигрантов из Швейцарии, я с четвертым эмигрантским поездом выехал в Петроград.

С волнением я шел в Смольный к Владимиру Ильичу. Каков он теперь? Как он встретит меня?

В Смольном все кипело. Сотни людей двигались во всех направлениях. С трудом нашел я комнату, в которой обосновался Владимир Ильич, откуда руководил он государственной машиной молодой Советской республики.

Обстановка в комнате была такая же скромная, как на квартире Владимира Ильича в Кракове и в Швейцарии. Владимир Ильич радушно со мной поздоровался. Он был в том же пиджаке, что и в Швейцарии. Внешне он почти не изменился, только сильно похудел и, видимо, был переутомлен.

С интересом расспрашивал о подробностях нашего путешествия, о Швейцарии, интересовался, в чем пуждаются приехавшие со мной

эмигранты, как они устроились. Как всегда, Владимир Ильич уделял внимание каждой мелочи, касающейся товарищей, словно и не лежали у него теперь на плечах огромные, не терпящие отлагательства, задачи всероссийского масштаба. Та же простота, та же сердечность. Это был прежний Владимир Ильич, которого совершенно не изменили ни власть, ни торжество его долголетних мечтаний и труда.

Владимир Ильич перешел к моим личным делам. Он спросил, какую работу я хотел бы взять. Я был в затруднении: все вокруг было мне ново, я не успел еще оглядеться. Владимир Ильич начал говорить о разрухе в области здравоохранения, вызванной бойкотом со стороны буржуазной медицинской интеллигенции. Ленин говорил, что нужно напрячь все силы, чтобы преодолеть этот бессмысленный бойкот, чреватый тяжкими последствиями для тысяч больных, нуждающихся в медицинской помощи.

— Вам следует принять участие в организации центрального органа здравоохранения, — сказал Владимир Ильич. — Хорошо бы вам поработать в недавно созданном центральном органе здравоохранения, который мы на днях собираемся оформить, — в Совете врачебных коллегий.

Сказав это, Владимир Ильич вызвал по телефону товарища, ведавшего медицинской работой в Петрограде.

Познакомив меня с ним, он дружески со мной распрощался.

В ближайшие дни я связался с Верой Михайловной Бонч-Бруевич и с другими членами Совета врачебных коллегий.

В начале 1918 года был опубликован подписанный Владимиром Ильичем декрет Совета Народных Комиссаров о создании Совета врачебных коллегий — высшего медицинского органа рабоче-крестьянского правительства. В марте Совет врачебных коллегий переехал в Москву и занялся организацией на местах медико-санитарных отделов Советов рабочих и крестьянских депутатов. После первого Всероссийского съезда медико-санитарных отделов в Совет Народных Комиссаров был внесен проект декрета о Наркомздраве. 11 июля Владимир Ильич подписал декрет об организации Народного комиссариата здравоохранения.

В этот период внимание Владимира Ильича привлекло чрезвычайно тяжелое положение русских военнопленных в Германии и Австрии. Решено было сделать попытку организовать помощь русским военнопленным из нейтральных стран под флагом Красного Креста. Эта задача была поручена мне. В качестве уполномоченного советским Красным Крестом при Международном комитете Красного Креста я должен был ехать в Швейцарию.

Кроме организации помощи военнопленным, мне было поручено добиться официального признания советского Красного Креста.

Следует сказать, что Владимир Ильич еще в 1915 году интересовался положением русских военнопленных в Германии. По его инициативе в Берне, где он тогда жил, большевистской группой была организована комиссия помощи пленным, а в 1917 году опубликовано написанное Владимиром Ильичем воззвание «Товарищам, томящимся в плену».

Вопросами Женевских конвенций он также интересовался. Предвидя возможность вооруженной борьбы молодой Советской республики против внутренней контрреволюции и империалистической интервенции, он считал нужным гарантировать воинам Красной Армии права и преимущества, вытекающие из Женевских конвенций.

В декретах от 3 мая и 7 августа 1918 года Владимир Ильич подчеркнул, что реорганизованное общество Российского Красного Креста действует на основании Женевских конвенций 1864 и 1907 годов и что эти конвенции признаются и будут соблюдаться Советским правительством.

Перед отъездом я пришел к Владимиру Ильичу попрощаться и получить последние инструкции. Я увидел Ленина в Кремле, в помещении Совнаркома; условия работы были здесь спокойнее, чем в Смольном. Владимир Ильич был так же прост в обращении и вникал во все мелочи. Я мимоходом упомянул об одном обстоятельстве, которое меня смущало: Наркомфин намеревался выдать ассигнованную на закупку продовольствия для военнопленных сумму в «керенках», что затруднило бы обмен их на иностранную валюту.

— Подождите, — сказал Владимир Ильич, — сейчас выясню.

Он вызвал по телефону Наркомфин и изложил мои опасения, высказав одновременно предположение, что, может быть, было бы лучше снабдить Багоцкого царскими рублями, к которым за границей привыкли. Ленину, очевидно,

возражали. В конце концов он повесил трубку и сказал мне:

— Наркомфин не может выпускать за границу значительных сумм в царских рублях, это может вызвать падение курса. Уверяют, что «керенки» вам без труда разменяют на иностранную валюту, хоть и по несколько более низкому курсу. А если у вас будут какие-либо затруднения, то наше посольство в Берне вам поможет. Я дам указания.

Пора было прощаться. Разговор перешел на семейные темы. Владимир Ильич пожаловался на Надежду Константиновну: она работает без меры и, очевидно, скрывает упадок сил.

— Вижу, что нездорова, но моих советов не слушает и к врачам обращаться не хочет. Может быть, вы с нею поговорите? Хорошо было бы, если бы вы убедили ее поехать вместе с вами на несколько месяцев в Швейцарию. Только не говорите ей, что я вас об этом просил,— закончил он со своей обычной теплой улыбкой.

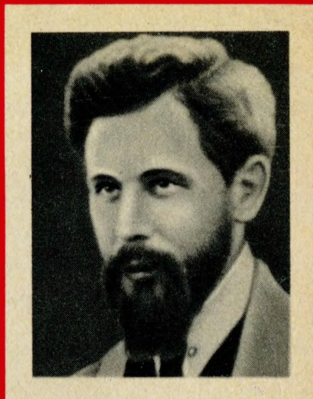
То были последние слова, которые я слышал от этого простого, великого человека.

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

БАГОЦКИЙ Сергей Юстинович (1879—1953) — активный участник революционного движения, по профессии врач. В 1900—1904 гг. участвовал в студенческом и рабочем движении в Петербурге и Киеве, в 1904—1905 гг. — член комитета военно-революционной организации в Варшаве. Дважды подвергался аресту, отбывал каторгу в Иркутской губернии, бежал в 1910 г. с поселения в Краков, где вступил в ряды Социал-демократии Польши и Литвы. В 1912—1917 гг. в Кракове и Поронине, затем в Швейцарии находился в близком контакте с В. И. Лениным. В 1917 г. принимал активное участие в организации возвращения В. И. Ленина в Россию. После Октябрьской революции — один из организаторов советского здравоохранения. В 1918—1937 гг. — представитель советского Красного Креста при Международном комитете Красного Креста в Женеве. С 1937 г. работал консультантом в Исполкоме Красного Креста в Москве. В 1950—1951 гг. был старшим научным редактором медицинского отдела Большой советской энциклопедии.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА	3
НА ВЕРШИНЕ БАБЬЕЙ ГОРЫ	10
В КВАРТИРЕ УЛЬЯНОВЫХ	13
СВЯЗИ С РОДИНОЙ	15
РАСПОРЯДОК ЖИЗНИ ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА В КРАКОВСКОЙ ЭМИГРАЦИИ	16
РУКОВОДСТВО БОЛЬШЕВИСТСКОЙ «ПРАВДОЙ»	19
ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ РУКОВОДИТ КАМПАНИЕЙ ПО ВЫБОРАМ В IV ДУМУ	21
ДЕПУТАТЫ-БОЛЬШЕВИКИ У ЛЕНИНА	23
БОЛЕЗНЬ Н. К. КРУПСКОЙ. ПЕРЕЕЗД В ПОРОНИН	27
РЕФЕРАТЫ В ЦЮРИХЕ, ЛОЗАННЕ, ЖЕНЕВЕ И БЕРНЕ	32
ПОДЪЕМ НА РЫСЫ	34
«ЛЕТНЕЕ» СОВЕЩАНИЕ В ПОРОНИНЕ	38
СНОВА В КРАКОВЕ	39
ДОКЛАД ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА В БОЛЬШОМ ЗАЛЕ «СПУЙНИ»	41
НАЧАЛО ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	46
АРЕСТ ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА	49
В И. ЛЕНИН В ШВЕЙЦАРИИ	52
РЕВОЛЮЦИЯ В РОССИИ	56
НА РОДИНУ	65
БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА	71

Автор брошюры — старший большевик, врач, которому довелось встречаться с В. И. Лениным и Н. К. Крупской во время их жизни в Польше и Швейцарии. Не претендуя на всестороннее освещение многогранной деятельности В. И. Ленина в предреволюционный период, С. Вагоцкий в простом, безыскусственном рассказе рисует обстановку, в которой находились Владимир Ильич и Надежда Константиновна в те годы, описывает встречи с ними. Его воспоминания — ценное свидетельство для биографов В. И. Ленина, они будут интересны также широкому кругу читателей.